

Пентти Страниус

Интеллигенция в России: роль и драма в период перемен

"Если бог хочет наказать интеллигентного человека, он заставляет его жить во время перемен". (Никита Михалков, 1995)

"Интеллигенция уже начинает сомневаться в своем праве на существование и совершает предательство за предательством: она готова... отказываться от собственных надежд...".
(Василий Аксёнов, 1995)

Два мнения, две точки зрения очень характерны для России, где идёт дискуссия - вечная дискуссия! - о роли интеллигенции в обществе. Интеллигенция - это или жертва, которая больше всего страдала от гражданской войны, террора и перестройки, или прослойка, которая виновата во всех бедах, предатель интересов народа. Есть у неё и другие роли: время от времени она выступает в роли "совести общества" или в роли "святого юродивого". Эти роли находили свое выражение особенно ярко, например, в киноискусстве Андрея Тарковского, в жизни, судьбе и творчестве Сахарова, Солженицына, Высоцкого и Лихачева⁷.

Кроме войн, террора и постперестройки бог или советская система наказала в этом веке интеллигенцию ещё три раза и очень своеобразным образом. Она дала ей три шанса, три возможности выжить, дышать и самореализовываться, приоткрывая дверь к свободе слова, совести и творчества. И каждый раз эта дверь "захлопывалась перед носом".

Первый шанс - 1920-е годы

В это время возможности самореализации получили те редкие представители интеллигенции, которые остались живыми после гражданской войны и не эмигрировали.

В недрах военной диктатуры рождался НЭП, и появилась кратковременная, странная свобода творить новый мир не только серпом и молотком, но и средствами кино, театра, литературы, искусства. "Первый учитель" держался долго на одном энтузиазме. Строилась целая "Родина электричества", хотя большинство инженеров находилось в списках расстрелянных и эмигрантов...

История НЭПа или авангарда 20-х гг. вряд ли доказывает существование каких-то элементов гражданского общества (ГО) внутри диктатуры и однопартийной системы, но сама атмосфера свободы играла, безусловно, свою роль в общественном сознании и дала новые надежды, появились также шедевры искусства. И именно интеллигенция выступает в этот период как важнейший "агент модернизации" общества (Левада, 1994). Маяковский, Эйзенштейн, Есенин, Горький и другие деятели искусства потрясли мир настолько же, насколько "10 дней" в октябре 1917 г. В какой-то период времени показалось, что советское общество находится в преддверии свободы, братства и равенства.

Однако вслед за этим система, новая власть испугалась и перешла в наступление. Колокол агента модернизации уже не гремел и не пробуждал - быстро появились раскол и предательство и среди творческой интеллигенции. Соцреализм и политическая власть понравились особенно новой советской "трудовой" интеллигенции. Это вполне объяснимо, поскольку вопрос о власти разделяет интеллигентов в любом обществе, в гражданском тоже! И, конечно, нужно отметить, что те люди, которые захватили власть в 17 г. и находились во главе РКП(б), тоже принадлежали к интеллигенции.

Появился и другой странный феномен. Новое искусство, литература и кино рождались так быстро, с таким энтузиазмом и идеологическим пафосом, что авторы сами до конца не

поняли, как они уже сотворили нового героя - резкого, жестокого большевика в кожаной куртке. В 30-е годы этот герой сошёл с экрана и со страниц книг и отомстил своим творцам открытым террором и цензурой соцреализма (Юрина, 1987).

Иногда этот новый герой был похож по своим человеческим качествам на Ивана Лапшина из одноименного фильма А.Германа (Герман, 1984), но ещё чаще он вёл себя суровее в отношении к своим создателям. В сотворении этого типа личности активно участвовали Маяковский, Фадеев, Шолохов, Эйзенштейн и Дзига Вертов со своим известным "Киноглазом". После этого Ленину, было легко заявить: "... Из всех искусств для нас важнейшим является кино..." (Ленин, 1922).

В большой мясорубке истории визит Максима Горького на Соловецкие острова - это маленький эпизод в конце 20-х годов. Но этот эпизод показывает те изменения, которые произошли в статусе самого писателя, в его отношении к власти. Только в такой перспективе можно понять то, что великий писатель видит в застенках Соловков "полезные красные уголки" и заявляет миру о гуманности советской системы и ее методах перевоспитания в ГУЛАГе (Голдовская, 1988).

Для энтузиаста, особенно интеллигента, характерна короткая память. От советского писателя первой половины столетия, Максима Горького, ассоциация приводит к журналисту 1980-х - 1990х годов, Александру Невзорову. Аналогия заключается в той же трансформации. Если первоначально в своей деятельности талантливый, но всегда скандальный тележурналист Невзоров хотел разоблачить "всё" в информационной программе "600 секунд", то теперь он едет в Чечню и откровенно защищает великодержавный шовинизм последнего образца (в кино"документе" "Ад"). Здесь тоже речь идёт о власти, о статусе творческой личности в обществе - и в конце концов о нравственности и совести интеллигентного человека.

По-моему, интеллигент - это человек, совесть которого не продается и у которого достаточно ума и образования для сострадания. Чувство сострадания необходимо для того, чтобы быть интеллигентом, высшее образование - далеко нет. Во время великих перемен в обществе чувство сострадания всегда как-то "уходит в отставку". Нужны люди, которые не боятся даже в критический момент поднять голос за справедливость, за слабых. Если такой нравственной оппозиции нет, то о каком-либо "гражданском обществе" говорить преждевременно. Даже само понятие "ГО", на мой взгляд, включает в себя понятие "гражданского долга". Этот долг, особенно в России, отражается в поступках смелых и совестливых представителей интеллигенции, которые не боялись и не боятся спорить с властями. К сожалению, за свой протест они платили и платят очень дорогую цену: цену жизни, свободы, гражданства и Родины; цену свободы слова и творчества.

Второй шанс русской интеллигенции - конец 1950-х, начало 1960-х годов.

К концу 1950-х годов уже было взрослым то поколение, которое можно назвать воспитанником советской системы. По многим показателям в стране сложилась ситуация, когда "ещё оставались интеллигенты, но не осталось интеллигенции" (Левада, 1994). "Внутренний милиционер" цензурировал даже талантливых творческих людей. Особенно хорошо интеллигенция знала правила поведения - "говорила одно, думала другое и делала третье".

Советская практика показала наглядно, что воспитание имеет огромную силу. Воспитанием, прежде всего, занимались сами интеллигенты - бывшие "первые учителя" и их потомки. Методами перевоспитания "непослушных" интеллигентов являлись: "самокритика", "наступление на чуждые элементы" и исправительно-трудовые лагеря.

Принято считать, что на этот второй шанс интеллигенции, на так называемую "оттепель" повлияла, в основном, внутривластная обстановка в СССР: смерть Сталина, XX-й съезд КПСС и личность Никиты Хрущёва. Мне кажется, что на атмосферу "оттепели" повлиял и другой фактор - феномен "отцов и детей". "Оттепель", на мой взгляд, можно интерпретировать как протест поколения детей революционеров, протест, который запоздал благодаря террору и

мировой войне и который лишь в конце 1950-х годов нашёл теперь свой выход в оттепели. Атмосфера того времени наглядно отражается в культуре: в поэзии Евтушенко, в кинофильме Марлена Хуциева "Мне 20 лет", в "Иване Денисовиче" Солженицына. Тарковский, Шукшин, Высоцкий - все они, каждый по-своему, вышли на публичную арену в начале 60-х годов. В то время Юрий Гагарин - первый космонавт - был своеобразной кинозвездой, а Андрей Сахаров выступал на страницах "Истории КПСС".

Интересно было бы знать, был ли Никита Сергеевич действительно таким деревенским мужиком, каким его обычно изображают? Какие дискуссии и дебаты велись в Кремле вокруг вопросов о культуре, о новом поколении, о роли молодой интеллигенции? Были ли такие смелые новаторы, которые уже тогда подняли вопрос не только о преобразованиях экономики и сельского хозяйства, но и об изменении государственного устройства и либерализации или модернизации идеологического контроля? Насколько мне известно, такие понятия, как "гласность" и "перестройка" выдвигались время от времени на партийных дискуссиях гораздо раньше апреля 1985 года.

Хотя поколение "шестидесятников" не могло претворять в жизнь свои идеи, и, например, так называемое правозащитное движение интеллигентов не стало настоящей политической оппозицией, уже в 60-е годы была подготовлена почва для развития первой фазы гражданского общества (Дука & Здравомыслова, 1992). Здесь важна была гражданская и нравственная позиция отдельных личностей, а не всего поколения. Очень характерно, что многие произведения искусства, - отметим только "подпольное" кино, - которые рождались в 60-е годы, играли заметную роль в новых условиях, в конце 80-х годов, во время "гласности и перестройки".

Второй шанс интеллигенции был прерван переворотом сверху и введением усиленной цензуры в сфере культурной жизни общества во время Брежнева, Суслова и их единомышленников. Московский киновед Валерий Фомин называет новый идеологический контроль коротко и метко: "эстетика запретов" (Fomin, 1991). Сущность и влияние этой эстетики пока плохо изучены. Я часто слышал мнение, например от "киношников", что "эстетика запретов" развивала киноязык в сто раз больше, чем "гласность" в период перестройки. В таких условиях приходилось думать, переделывать, хитрить, бороться - а в искусстве это, как правило, полезно. В науке, кстати, тоже. Правда, уже не ценой собственной жизни.

Третий шанс интеллигенции - конец 1980-х годов, время гласности и перестройки.

В событиях последних лет Советской империи легко обвинять интеллигенцию. Её роль заметна и общепризнанна. Эта роль в преобразованиях настолько очевидна, что некоторые учёные отметили парадокс: в деятельности народных фронтов народ отсутствовал. Одни и те же красноречивые интеллигентные фигуры, несколько сотен энтузиастов, переходили с Пушкинской площади к Казанскому собору, с экрана телевидения - на страницы "Московских новостей" (Kagarlitski, 1992). Моя собственная биологическая память говорит о другом, хотя в глубине страны, наверное, было так же тихо, как в 1917 году?

Почему в период перестройки была активна именно творческая интеллигенция - киношники, писатели, журналисты, актёры, художники, учёные, певцы и рок-группы? Была ли перестройка их "миссией", нравственным поступком? Были ли они сознательнее других, ближе знакомы с такими понятиями, как "права человека", "свобода слова и совести", "политический плюрализм", "гражданское общество"? Может быть. С другой стороны, тоталитаризм и стагнация сильнее всего мешали именно этим людям жить и работать нормально, оскорбляли постоянно их профессиональное достоинство. Среди активистов было и поколение шестидесятников, которое теперь перешло к реваншу, заметив в перестройке свой второй исторический шанс.

"Интеллигентная власть", двоевластие экономистов и популистов продержалась

недолго. После раскола державы и отставки Горбачёва исторический момент, благоприятный для интеллигенции, прошёл.

Часть бунтовщиков-интеллигентов нашла успокоение в структурах государственного аппарата; часть - перешла из народных фронтов в новые политические партии и Государственную Думу, составив лидерство новых группировок; часть - нашла уютные места в бизнесе; часть - эмигрировала или иммигрировала и т.д. Однако большинство интеллигенции ушло из политики вообще, во всяком случае, временно. К середине 1990-х годов в лагере интеллигенции стало удивительно тихо.

Почему? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Часть интеллигенции сознательно стремилась к новой политической культуре. Для этих людей представления о "правовом государстве", о "правах человека", о "справедливости", о "законности", о "порядке" и даже о "развитии" имели другое содержание, чем для старой номенклатуры, промышленников, банкиров и популистов. Последние начали быстро думать об установлении другого "порядка" в обществе, и экономические реформы заняли центральное место в их "новом мышлении" (Демидов, 1993). Культурная жизнь ушла в отставку. С культурой со сцены ушла и интеллигенция - особенно тогда, когда стало ясно, что место культурной революции в новой трансформации заняла "всенародная спекуляция".

Некому было уже теперь защищать интересы старой, непроизводительной и духовной части интеллигенции. Результаты такого игнорирования сегодня очевидны - и опять во всем можно обвинять интеллигенцию! Она просто ушла со сцены и не боролась за культуру. Свою роль в этом процессе сыграла и иллюзия, что теперь политическая власть передана настоящим представителям народа, защитникам культурных ценностей общества. Демократия уже победила. Контроль представителей народа во власти происходит через СМИ - телевидение и прессу (Цыганков, 1991).

Когда наступил период постперестройки, пришла эпоха Ельцина, война в Чечне положила конец и другой центральной иллюзии русской интеллигенции - иллюзии о доброй и разумной власти, которая слушает своих умных советников-интеллигентов, экспертов в области науки и культуры.

Я хорошо помню, как осенью 1991 года в Хельсинки состоялся семинар "Духовность в искусстве России". Выступали Андрей Битов, Юрий Любимов, Александр Сокуров. Сокуров к этому времени только что закончил свой известный документальный фильм о Ельцине и был почти уверен, как и многие другие представители интеллигенции, что если Ельцину удастся держать власть ещё пять лет, в России не будет ядерного оружия. Мы слушали и кивали головой, потому что тоже хотим верить в наших руководителей. Конечно, Саша Сокуров сегодня придерживается другого мнения, но в начале 90-х годов было трудно заметить "декоративность" культурных людей для власти.

Одна из причин молчания интеллигенции сегодня - это экономическая сторона вопроса. При советской власти не было принято говорить вслух о деньгах. Сегодня интеллигенция мало выступает и мало бастует - хотя, может быть, буря приближается? Она предпочитает "подрабатывать" и уходит в другие сферы деятельности, в т. ч. и в бизнес. Возможно, это, в конце концов, хорошо для экономики, но это очевидно плохо для науки и искусства. Доля защитников духовных ценностей в обществе уменьшается. Эмиграция - "утечка умов" - миграция в науке исследована и "Центром независимых социологических исследований" в Санкт-Петербурге (Воронков, Освальд, Фомин, 1995).

С "первоначальным накоплением капитала" меняются ценности и психология новой интеллигенции в период постперестройки. Рост прагматизма и уменьшение солидарности в человеческих отношениях характерны для одних, ностальгия по "старым добрым временам" и безделье - для других. Василий Аксёнов считает, что сегодня России нужны "...цивилизованные молодые люди с идеалистическими целями и прагматическими средствами. Люди, готовые

реально сближаться с Западом..." (Аксёнов, 1995). Может быть, это уже не "интеллигенция", а "образованные люди"?

Звучат и другие голоса: Россия и русская интеллигенция должна думать теперь только о себе - искать свою дорогу к новому обществу без вмешательства Запада. Конфликт западников и славянофилов чувствуется и в отношении к теориям гражданского общества. И ещё одно, я бы сказал, популярное мнение среди "старой" интеллигенции: демократию присвоили бездари, а патриотическую идею - подонки и спекулянты.

Что же делать? Кажется, опять при помощи интеллигенции создан не тот "герой нашего времени" - образ молодого спекулянта, с которым нельзя быть солидарным. С ним нельзя солидаризироваться тем более, что именно он собирает все плоды славной перестройки, которая оказалась, по словам Юрия Левады, "лебединой песней советской интеллигенции".

Мне кажется, что описанные выше три шанса русской интеллигенции показывают, что в отношении к власти её позиция должна быть всегда в какой-то мере оппозиционной, но "пограждански" активной и нравственной. От политики отказываться опасно, потому что незрелая демократия, первая фаза гражданского общества, особенно нуждается в культурной и нравственной силе. Если "творческую интеллигенцию" вытесняют и её общественное значение падает в критический момент перемен - к власти приходят популисты, прагматики и деловые люди, которым "некогда" и невыгодно думать о сострадании или о культурных ценностях общества.

Использованная литература

1. Аксёнов В. "Столица" 1.1. 1995.
2. Герман А. Мой друг, Иван Лапшин (худ. фильм). Ленфильм 1984.
3. Голдовская М. Власть соловецкая (док. фильм). Мосфильм 1988.
4. Демидов А.И. Интеллигенция и власть. В сб.: Интеллигенция и нравственность... НИИВО. Москва 1993.
5. Дука А., Здравомыслова Е. Фазы развития гражданского общества. В сб.: Социология общественных движений. СПб, Институт социологии РАН, 1992.
6. Левада Ю. Проблема интеллигенции в современной России. В сб.: Куда идёт Россия. Интерпракс. Москва. 1994. с. 208-214.
7. Ленин В. Самое важное из всех искусств. В сб.: Ленин о кино. Искусство, Москва 1963.
8. Юрина Т. Без героя (док. фильм). Мосфильм 1987.
8. Цыганков Анатолий. К гражданскому обществу. Карелия. Петрозаводск 1991.
- Воронков В., Освальд И. и Фомин Э. Утечка "умов": ситуация в военно-промышленном комплексе и в науке. Центр независимых социологических исследований. №1. Санкт-Петербург 1995.
10. Воронков В., Фомин Э. Зарубежная помощь науке глазами российского учёного. Центр независимых исследований, №2, Санкт-Петербург, 1995. Fomin, Valeri. Hyllytysten estetiikka. //Filmihullu #2, 1991, s. 42-47.
11. Kagarlitski, Boris. Hajonnut monoliitti. Oy Orient Express. Helsinki 1992.